

СПЕЦИФИКА РЕЧИ В КОМЕДИИ
М.Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА «СМЕРТЬ ПАЗУХИНА»

У статті аналізується специфіка мовлення твору: мовлення персонажів, авторське мовлення та неавторське слово. Також визначається зв'язок твору з традиціями реалістичної літератури.

Ключові слова: функція, мовлення, персонаж, автор, М.Є.Салтиков-Щедрін.

В статтє анализируется специфика и функция речи персонажей, автора и неавторское слово. Также определяется связь произведения с традициями реалистической литературы.

Ключевые слова: функция, речь, персонаж, автор, М.Е.Салтыков-Щедрин.

The article describes the specificity and function of personages' and author's speech, its connection with the Russian literature.

Key words: function, speech, personage, author; M.Saltykov-Shchedrin.

М. Е. Салтыков-Щедрин – известный русский сатирик XIX в., известный, прежде всего, своими очерками и романом «Господа Головлевы». Его драматическое творчество в настоящее время практически забыто. Но темы, поднятые им в своих произведениях, актуальны и сегодня. Одной из наиболее значительных комедий писателя является, как известно, «Смерть Пазухина».

Эта комедия в 4-х действиях впервые напечатана в «Русском вестнике» в 1857 г. Местом действия и рядом персонажей она тесно связана со сборником М. Е. Салтыкова-Щедрина «Губернские очерки», а также с неоконченным циклом «Книга об умирающих». В комедии изображён умирающий купец и его близкие, желающие нажиться после его смерти. Вопрос поэтики драматургии сатирика является малоизученным и представляет научный интерес для исследователей литературы. Целью данной статьи является анализ языка произведения и определение его специфики.

Традиционно речь произведения делят на речь персонажей, речь автора и, так называемую, неавторскую речь. Рассмотрим каждую из них подробнее. Согласно В. Е. Хализеву и Г. О. Винокуру, в речи реалистической драматургии XIX в. преобладают диалоги над монологам, что объясняется ненатуральностью последних в пьесе [1: 205]. Текст комедии «Смерть Пазухина» является именно таким, в нём действительно преобладает диалог и его наиболее распространённый тип – содержательный: вопрос / ответ, добавление / пояснение / распространение, согласие / возражение, формулы речевого этикета и пр. [2: 135]. Кроме этого характерным для драматической речи является обилие афоризмов, пословиц, разговорно-бытовых выражений. Писатели-реалисты стремились к воссозданию разговорной речи в своих произведениях [1: 213]. Вот несколько примеров: «недаром гласит народная мудрость: *не плюй в колодец – испить пригодится...*», «даровому коню, что в зубы смотреть», «чужая душа потемки», «зубы-то на полку положить

придется», «Известно, девическая жизнь; как ее ни хлебай, все ни солоно, ни пресно» [3: 83-96]. Эти пословицы характеризуют отношения между людьми. Есть в тексте и русские народные пословицы, посвящённые изуверству и расколу. Например, «Кто пьёт чай, тот спасенье не чай» [3: 65].

Речь персонажей, составляющая основной текст драматического произведения, включает в себя, безусловно, не только содержательную сторону произведения, но определяет и характеристику действующих лиц. Так, особенности речи таких героев, как Живоедова, Велегласный, Баев выдают их незнатное происхождение и их статус в обществе. К таким особенностям можно отнести просторечье, встречающееся, однако, и у других персонажей: «чу», «дескаты», «потудова», «покудова», «это именно», «хощь», «вишь» [3: 65-70]. Речь Ивана Пазухина отличается наличием уменьшительно-ласкательных суффиксов: «платышко», «сертучишко», «Гаврюшенькой» и др. [3: 100, 101].

По речи Фурначева, Лобастова можно определить их общественное положение и др. Так называемый, словоерс (напомним, что это название частицы «-с», прибавляемой к концу слов в определённых ситуациях) употребляется нечасто, но его всё же можно найти у Семёна Фурначева, реже у Прокофия Пазухина. Данная частица происходит от слов «сударь», «государь» и выполняет функцию обращения с почтением, некоего демонстративного самоунижения, а в конце XIX в. она начала приобретать дополнительную функцию подчёркивания смысла, давления, а также маркера иронии. В комедии «Смерть Пазухина» словоерс в репликах Фурначева выполняет функцию давления: «Нельзя, Анна Петровна, нельзя-с», «Фурначев (*сниходятельно улыбаясь*). Ну-с, будем говорить попроще...» [3: 81,84].

Кроме того, раскрыть характер персонажа помогают стилистические приёмы. Так, например, у Велегласного находим библейские сравнения («словно даже мохом порос», «как лев», «яко змию»), Лобастова – метафоры («Да где его, жениха-то, найдешь! Вот и наклеивался было один соколик, да крылья, вишь, велики подросли, улетел!»), Прокофия Ивановича – повторы («Что ж это будет? что ж это будет?», «Кабы не деньги! Господи, кабы не деньги!»). Перифраз встречаем практически у каждого: «Кондратий Сидорыч» – удар (Лобастов); «курносая» – смерть (Баев); «мочалка», «украшение», «волосяное царство» – борода (Лобастов, Фурначев, Живновский) [3: 68-101].

В русской общественной комедии нередко использовался приём, при котором персонажи наделялись, так сказать, «говорящими фамилиями». Его использовал в своих драматических очерках и М. Е. Салтыков-Щедрин. В комедии «Смерть Пазухина» таких персонажей меньше, чем в более ранних драматических произведениях сатирика, но они всё же присутствуют. Например, Никола Велегласный и Фингей Прохоров Баев.

«Велегласно» в словаре русского языка XVIII в. определяется как «громко, громким голосом; открыто, во весь голос; красноречиво; ирон. пространно, пышно, торжественно» [4: 9]. Именно последнее, ироническое значение слова, на наш взгляд, легло в основу данной фамилии. Велегласный торжественно цитирует различные религиозные источники: «А и деньги добыть можно, надлежит только умудриться яко змию – и деньги будут!», «Оно, конечно, зазорно, сударыня, зазорно браду свою на потеху князю власти воздушны отдавать, однако ведь и закону, по нужде, премена бывает! На пользу древнему благочестию не токма временное брады стрижение, но и самая погибель души допущается...» [3: 68,70].

Пестун, т.е. воспитатель старого Пазухина, носит фамилию Баев. Баить значит говорить, болтать [5]. Возможно, такая «говорящая» фамилия определяет функции данного персонажа в произведении. Он появляется только в начале пьесы и рассказывает о состоянии старшего Пазухина, в дальнейшем развитии пьесы он не участвует.

Друг Ивана Пазухина носит фамилию Лобастов. Лобастый обозначает большелобый либо крупный, крепкий человек. Ещё одно значение слова – смекалистый, догадливый, а иногда недоверчивый, скрытный человек. На наш взгляд, Лобастов представляется именно таким, как в физиологическом, так и психологическом плане. На то, что Лобастов догадливый и хитрый человек, указывают интриги, которые он плетёт в пьесе наравне с другими персонажами.

Ещё одной отличительной чертой русской общественной комедии является употребление варваризмов и макаронизмов. В «Смерти Пазухина» они встречаются крайне редко, чаще всего определяя ироническое отношение автора к персонажу: «Просто даже скверно смотреть на этого Прокофья, голубушка Анна Петровна. Намеднишь вот в церкви, так при всех и лезет целоваться – я даже сгорела от стыда... Вы возьмите, Анна Петровна, я ведь статская советница, в лучших домах бываю, и вдруг такой афронт!» [3: 83; 8: 70].

Отдельного внимания заслуживает авторская речь, которую составляют ремарки. В произведении преобладают ремарки интонационно-декламационные и ремарки психологических состояний, ремарки кинесики и мимики, ремарки перемещения по сцене (мизансценические; сюжетообразующие). Интересно, что ремарки психологических состояний и интонационно-декламационные ремарки помогают составить общий портрет персонажа. Например, статский советник Фурначев говорит «снисходительно», «наступая», «с достоинством», а иногда «вполголоса», когда речь идёт о планах на получение наследства; отставной подпоручик Живновский – «робко», «задумавшись»; Прокофий Иванович в присутствии Лобастова «мнётся», говорит «жалобно», «клянясь», «с расстановкой». Если рассматривать ремарки

по формальным признакам расположения в тексте пьесы, то можно найти все традиционные группы ремарок: номинативные ремарки, афишные, ремарки деления на действия, сцены, препозитивные, интерпозитивные, иннективные, постпозитивные [6: 11]. Особенность афишных ремарок заключается в том, что они встречаются не только в начале произведения, но и по ходу пьесы вместе с появлением персонажа даётся его описание. Такая же особенность присуща и другим драматическим произведениям М. Е. Салтыкова-Щедрина и придаёт, как нам кажется, динамизм пьесе.

Помимо речи автора и персонажей в тексте используется так называемое неавторское слово: цитирование и аллюзии. «Цитирование – это прямое художественное использование первоисточника, введение текста другого автора в текст собственного произведения, прямое, а иногда опосредованное заимствование отдельных элементов и тем из литературного первоисточника» (А.Галич). Н. Пьеге-Гро рассматривает цитату как минимальную форму интертекста и выделяет такую функцию цитаты (кроме её канонической функции – «быть авторитетной» и передавать аутентичность), как характеристика персонажа.

По степени узнаваемости от цитат отличаются аллюзии, которые не прерывают текст и заставляют читателя перенестись к чему-то аналогичному. Классическим примером за-

имствования (так называет этот приём А. Галич) являются библейские мотивы и образы [7]. В комедии «Смерть Пазухина» можно найти множество библейских цитат и аллюзий. Например: цитата «И возлюбят людие...» из раскольнического «Слова от старчества об антихристовом пришествии», «Постризло да не взыдет на браду твою...» из «Столпава» (свода установлений церковного собора 1551 г.) «Аки лев рыкайи ходит, иский кого поглотити» – 1-е послание Петра (в оригинале «Трезвитесь, бодрствуйте, потому что противник ваш диавол ходит, как рыкающий лев, ища, кого поглотить»), «Про родительское сердце еще царь Соломон в притчах писал!» из «Книги притчей Соломоновых», «...число 666...» – число, обозначающее антихриста и упоминающееся в Апокалипсисе – раннехристианском произведении Нового завета и др. [3: 65-72, 98, 533]. Н. В. Климович различает три функции библеизмов в тексте: стилистическую, композиционную и прагматическую. Стилистическая функция заключается в создании высокого стиля [9: 9]. Вспомним Велегласного (фамилия означает «горжественный»), которому принадлежит большинство библейской лексики. «Выполняя стилистическую, композиционную и прагматическую функции, – пишет исследователь, – в художественном тексте библеизмы являются элементами, манифестирующими эстетическую информацию произведения и актуализирующими художественный смысл» [9: 11].

Анализ речи комедии «Смерть Пазухина» привёл к следующим результатам. Пьесе характерно обилие афоризмов, разговорной лексики, отсутствие варваризмов. В данном произведении писатель реже использует приём знаменательных фамилий. При помощи интонационно-декламационных ремарок характеры пьесы получают дополнительную окраску. Неавторская речь, чаще всего, представлена библеизмами. Каждая из этих особенностей помогает придать пьесе реалистический характер, создать неповторимый колорит пьесы, реализовать смысл произведения. Специфика речи произведения доказывает, что пьеса «Смерть Пазухина» продолжает традиции русской реалистической драматургии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хализев В. Драма как род литературы / Хализев В. – М. : Издательство московского университета, 1986. – 264 с.
2. Винокур Т. Диалогическая речь / Т. Винокур // Лингвистический энциклопедический словарь. – М. : Большая Российская энциклопедия, 2002. – 709 с.
3. Салтыков-Щедрин М. Собрание сочинений в 20 т. / М.Е. Салтыков-Щедрин. . – М. : Художественная литература, 1966. – Т. 4 : Произведения, 1857–1865. – 1966. – 609 с.
4. Словарь русского языка XVIII века / АН СССР. Ин-т рус. яз./ гл. ред. Ю. Сорокин. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1984. – Вып. 3. – С. 9.
5. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка в 4 т. / В. Даль. – М.: РИПОЛ классик, 2006.
6. Зорин А. Поэтика ремарки в русской драматургии XVIII-XIX вв. / А. Зорин. – Саратов: Изд-во Саратов. гос. ун-та, 2008. – 240 с.
7. Галич О. Загальне літературознавство : [навч. посібник для вузів] / О. Галич, В. Назарець, Є. Васильєв. – Рівне: Б.в., 1997. – 544с.
8. Андреев В. О смягчающей функции французских варваризмов в художественной

речи XIX-начала XX в. / В. Андреев // Русская словесность. – М. : Школа-Пресс, 2007. – № 1. – С. 70-72.

9. Климович Н. Библиеизмы в художественном тексте: типологический, функциональный и переводческий аспекты: автореф. дис. на соиск. науч. степени канд. фил. наук: спец. 10.02.19 «Теория языка» / Н. Климович. – Иркутск, 2011. – 16 с.

УДК 821.161.1-2.09 ”19”

Гулич Е.А.
(Харьков, Украина)

ДРАМАТУРГИЯ Л.АНДРЕЕВА В ОЦЕНКЕ Л.ГУРЕВИЧ

У статті аналізуються погляди Л. Гуревич на драматургію Л.Андрєєва в контексті суперечок про письменника на початку ХХ ст. Показано, що, незважаючи на тонкий смак та естетичне чуття, вона не змогла прийняти та оцінити новаторства Л. Андрєєва, зіставляючи його п'єси з реалістичною літературою, що задавало невірний контекст і приводило її до несправедливих висновків.

Ключові слова: літературна критика, стаття-паралель, рецензія, реалізм, модернізм.

В статтє анализируются взгляды Л. Гуревич на драматургию Л.Андреева в контексте споров о писателе начала ХХ в. Показано, что, несмотря на тонкий вкус и эстетическое чутье, она не смогла принять и оценить новаторства Л. Андреева, сопоставляя его пьесы с реалистической литературой, что задавало неверный контекст и приводило ее к несправедливым выводам.

Ключевые слова: литературная критика, статья-параллель, рецензия, реализм, модернизм.

This article analyzes the views of L.Gurevich on L.Andreev's drama in the context of disputes about the writer at the beginning of the twentieth century. It shows that, despite the delicate taste and aesthetic sense, she could not accept and appreciate L.Andreev's innovation, comparing it with a piece of realistic literature, that gave the wrong context, and it led to incorrect conclusions.

Key words: literary criticism, article-parallel, review, realism, modernism.

Творчество Л.Н. Андреева всегда вызывало интерес критиков и исследователей. Авторитетный в свое время литературный и театральный критик, прозаик, редактор «Северного вестника», а позже «Русской мысли» Л.Гуревич посвятила Л. Андрееву две статьи: «Оторванные души» (1908) и «Анатэма» (1909). Обе являются яркими страницами в литературно-критическом наследии Л. Гуревич и определяют позицию критика по отношению к текущим литературным явлениям в целом. Статьи написаны в разных жанрах: «Оторванные души» представляет собой статью-параллель. Последовательно сравнивая «Черные маски» Л.Андреева и «Навьн чары» Ф.Сологуба, критик находит

© Гулич Е.А., 2012